

Екатерина Дымова

Вендетта
до востребования

Екатерина Дымова

Вендетта до востребования

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27432795

ISBN 9785448587795

Аннотация

За всё в жизни нужно платить. За боль платят болью, за смерть – смертью, а любовь, если она настоящая, возвращается. Не торопитесь принимать решения, ведь от каждого вашего шага зависит будущее. Всему свой срок. Ничто не останется без ответа.

Содержание

Глава 1. Начало игры	5
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Вендетта до востребования

Екатерина Дымова

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?*

А. С. Пушкин

© Екатерина Дымова, 2017

ISBN 978-5-4485-8779-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Начало игры

Эта история началась в 1988 году в славном морском городе Владивостоке. Впрочем, там всё и произошло, и за пределы этого города история не вышла.

Очаровательная и безбашенная девушка, едва ли окончившая институт, вышла замуж за сомнительного молодого человека, которому было почти тридцать. О связи его с криминальным миром девушка могла только догадываться. Ведь для неё он был, прежде всего, сильным и мужественным защитником, каменной стеной, человеком, способным защитить от всех опасностей мира.

Спустя семь месяцев в 1989 году у них родилась очаровательная девочка с огромными голубыми глазами. Дело было в июне. Было ещё по-весеннему прохладно, но солнце уже радовало, и хотелось пить эту жизнь жадными глотками, будто воду из горного источника.

Вадим забирал свою супругу и дочь из роддома на белой «Волге», украшенной яркими лентами и воздушными шариками. Специально по такому случаю был приглашён фотограф, работавший в одном из лучших в городе фотоателье.

– Ну, чего ты копаешься? – прикрикивал на него Вадим. – Давай, снимай уже.

Фотограф то и дело что-то крутил на своём новеньком «Зените», подстраивал вспышку. Он понимал, какая высо-

кая ответственность на нём лежала.

– Внимание! – воскликнул он, и счастливые молодые родители на мгновение замерли. Фотограф сделал кадры около роддома. Молодые родители по очереди держали на руках пока ещё мало что понимающую кроху.

Молодая семья Дарины и Вадима Железняк после фотосессии около роддома поехали домой. А дома для них служила просторная трёхкомнатная квартира, где Вадим жил со своими родителями, когда те были живы. Волею судьбы у новорожденной не было ни бабушек, ни дедушек.

Фотограф сделал несколько кадров в уютной домашней обстановке, а на следующие сутки уже принёс готовые фотографии.

– Вот, это тебе за отличную работу! – Вадим выдал изрядно смущённому фотографу приличный по тем временам гонорар. – Мы ещё в ателье к тебе зайдём, когда подрастём немного, – и подмигнул.

– Буду рад видеть вас у нас, – взволнованным голосом ответил фотограф, сжимая в руке заветные денежные купюры. Он рассчитывал получить гораздо меньше. Однако заказчик расщедрился. А, впрочем, счастливые люди всегда довольно щедры, будь то свадьба, юбилей или, как сейчас, рождение ребёнка.

Дверь закрылась. Молодые родители остались наедине со своим маленьким счастьем.

– Дарина, а как мы её назовём?

– А чего тут думать? Машенькой... Мария Вадимовна будет... – выговорила Дарина и перевела взгляд с крохи на мужа.

– Ну, какая ещё Мария? – чертыхнулся молодой отец.

– Дарья, Наталья... А что тебе не нравится?.. У, какой же ты привереда, Вадик!..

– Как же тебя звать, доченька? – Вадим наклонился над кроваткой, в которой лежала малышка.

– Яна... – в задумчивости произнесла Дарина. Как озарение. – Яночка...

– Сильная духом, непоколебимая, яркая... Значит, Яна Вадимовна. Ну, тогда так тебя и запишем. Ты не против?

Девочка на младенческом языке согласие. На следующий день Вадим отправился в ЗАГС, где и зарегистрировал Яну Вадимовну Железняк.

2010 год. Июль.

Через приоткрытое окно дул свежий утренний ветерок, попеременно поднимая и опуская занавеску. Было уже светло, но времени на часах было ещё мало.

Супруги Железняк уже не спали.

Вадим думал о чём-то, но нежный запах волос супруги то и дело сбивал, не давая сосредоточиться. Дарина лежала рядом, совсем близко, опираясь головой о его крепкое плечо. Тонкие пальчики теребили махровое покрывало. Дарина

вспоминала своё прошлое, и было немножечко грустно, что время так быстро шло, будто вода сквозь пальцы. Ведь, казалось, ещё вчера они подбирали имя для дочки, а сегодня она, студентка, уже учит их жизни. Яна выросла таким же кактусом, каким была её мать, но почему-то была слишком правильной, до тошноты.

– Вадь, Вадик, – первой нарушила предутреннюю тишину женщина. – А ты помнишь, как забирал нас из роддома?

– Ага, – пробубнил мужчина. – Надо было с молодых ног-тей эту егозу ремнём воспитывать, а то ишь сколько смелости поперёк родителей идти!.. Ты другая была, когда я женился на тебе, – заметил Вадим.

– Какая другая? Ну, что ты такое говоришь?.. Просто нельзя с детьми слишком строго. Вадь, ты ведь знаешь, я не хочу повторять ошибки моих родителей... А, может, я с тобой другой стала? – Дарина привстала и опёрлась руками на грудь мужа. Её глаза вопросительно глядели на него, и в них до сих пор горел огонёк юности.

– Ну, ладно. Ладно, ты права. А я – счастливый человек. Мне с тобой очень повезло, – Вадим обхватил супругу за талию и уронил её на себя.

– Вадь, ну, что ты делаешь? – рассмеялась Дарина.

– Хочу поцеловать тебя, а ты далеко, – с этими словами мужчина коснулся губ супруги.

Дарина выскользнула, ловко отвоевав своё право на свободу.

– А о чём ты сейчас думаешь? – спросила она у мужа.

– Ерунда. Не бери в голову, – небрежно ответил Вадим.

Часы показывали восемь утра. Заиграли первые солнечные лучики.

В задумчивости Дарина провела рукой по левой, потом по правой щеке супруга.

– Ты бы побрился, что ли...

Вадим рассмеялся. Что бы Дарина не говорила, в любой ситуации она продолжала быть очень обаятельной.

– Прямо сейчас?

– Угу, – иронично хмыкнула женщина. – То, что сегодня выходной, не даёт тебе право...

– Понял, – перебил супругу мужчина. – Сейчас исправим, – бросил на любимую тёплый взгляд, накинул халат и пошёл в ванную комнату.

Было прохладно. Сквозняки, рождённые открытыми настежь окнами, резво щекотали щиколотки.

По дороге в ванную комнату и за бритвём Вадим вспомнил события почти двадцатидвухлетней давности...

Вадим и Дарина лежали в постели, прижавшись друг к другу. Вадим выкуривал сигарету.

Где-то у соседей голосом Виктора Цоя и солистов группы «Кино» надрывался магнитофон:

Видели ночь,

Гуляли всю ночь до утра...

– Дай-ка мне, – Дарина потянулась за его сигаретой.

– Моя любимая женщина не должна курить, – выговорил мужчина и поцеловал обнажённое плечо Дарины.

– А с чего ты взял, что я – твоя? – хохотнула Дарина и выразительно посмотрела на Вадима.

– Потому что сейчас ты со мной. И я тебя никуда теперь не отпущу.

– Да ты что!.. – сыронизировала женщина и едва не вырвала сигарету из его цепких пальцев. Но Вадим смог увернуться от атаки и сломал сигарету. Потом он приподнялся и достал с тумбочки какую-то миниатюрную коробочку и вручил её Дарине.

– Выходи за меня замуж.

Сердце Дарины в волнении сжалось, руки задрожали.

– Ты... ты шутишь? – выдавила она из себя.

– Нет.

– Вадь, я знаю тебя без году неделя...

– Не разбивай моё сердце, – мужчина глядел на Дарину с какой-то щенячьей надеждой, и только сейчас она поняла, насколько искренни его чувства.

– А я думала, что ты только ради этого всё делал... – во внезапно образовавшейся тишине её голос прозвучал слишком растеряно.

– Прости...

– Не извиняйся... Просто дай мне немного времени.

– Да, конечно...

Трогательные воспоминания разбередили душу убеждённого циника, и он едва не порезался. Признаться, в этом мире его трогала только любовь супруги и детей.

Яна открыла глаза и с радостью поняла, что день наступил. Эта ночь была ужасной. После вчерашней ходьбы по городу жутко болели ноги и голова, но сейчас боль ощущалась не так сильно.

Девушка присела на кровати. Младший брат с улыбкой смотрел на неё.

– А, ну, отвернись немедленно! – строго выговорила Яна.

– И не подумай!.. Чего это я там у тебя не видел?.. – хихикнул парень.

Яна бы с радостью его треснула, если бы братишка от рождения не страдал от повышенного мозгового давления. Родители пылинки с него сдували, а он радовался и продолжал чудить, позоря их на каждом шагу.

Яна схватила свои вещи и пошла в ванную комнату.

Пахло пеной для бритья. Значит, отец уже не спит. И мама, наверное, тоже.

Девушка быстро надела топ, бриджи, свернула ночную рубашку и вернулась к себе.

– Ты куда так рано? – поинтересовался Миша.

– Не твоё дело.

– А чего невежливая такая?

– Слушай, вот спишь? Ну, и спи дальше, – Яна выразительно взглянула на брата и направилась на кухню.

«Значит, родители у себя», – сделала она вывод, не обнаружив никаких следов утреннего приёма пищи.

Странные чувства девушка испытывала по отношению к своим родителям. С одной стороны она их бесконечно любила, как любят дети своих родителей, с другой – иногда ей было противно, что у неё именно такие родители. Какие такие? Отец, который постоянно что-то не договаривает, мать, которая организовала в гостиной дважды в неделю так называемые вечера для элиты и первых эстетов города, как она сама говорила. От всего этого Яне претило. Приходили люди, которые делали вид, что они умные и тонкие, но на деле они курили сигареты, играли в карты, потягивали коньяк и, казалось, даже крутили интриги за спиной друг у друга.

Яна сварила себе кофе и сделала пару бутербродов с сыром.

– Яна, а чего ты так рано? – Вадим не ожидал увидеть на кухне дочь в столь ранний час.

– У меня сегодня куча дел. Позволю себе встречный вопрос: как прошёл утренний моцион?

– Ты кому хамишь? – голос мужчины задрожал от негодования.

– Я просто выросла, папа. А вот двери в спальню вам лучше плотнее закрывать, а то Мишка когда-нибудь снимет вас

на видео. Поверь мне, у него на это ума точно хватит.

Вадима на мгновение замкнуло. Этого мгновения Яне хватило, чтобы ретироваться.

– Видала, как язычок-то заточить успела? И у кого научилась?.. – всё не мог успокоиться мужчина.

– Вадь, она, правда, выросла. Ну, что ты хотел? Девочке двадцать один год. Ты вспомни, ведь я такой точно была. Хм, и осталась, – Дарина медленно вошла на кухню и присела на колени к супругу.

– Лучше бы она пацаном была, – с горечью выговорил Вадим и хлопнул ладонью по столу. Своего младшего сына он любил, но переживал, что парень родился с непростым недугом. В школе он был освобождён от физической культуры, но вот в жизни частенько приходилось бегать. Раз не рассчитает собственные силы, и поминай, как звали. Это ли наследник? А ведь Яна была абсолютно здорова, но ведь девчонка – что с неё взять?!

– Вадь, никто не виноват, что так вышло. Люди с более опасными недугами живут... Так судьба распорядилась.

– Хреново она распорядилась. Дебилов, вон, куча – быки здоровые! А наш...

– Сердце побереги, Вадь, – Дарина обняла супруга за руку.

1994 год. Апрель, шестнадцатое.

– Папочка, а завтра что будет? – спросила у отца боль-

шеглазая и очень любознательная Яночка.

– Завтра будет ещё один выходной, а потом ты опять пойдёшь в садик к своим подругам и друзьям, – ответил Вадим. – И вы будете играть, да?

– Будем. У нас там, в уголке, есть много-много куколок. Воспитательницы туда не пускают, если ты себя плохо ведёшь, – с важным видом заметила малышка.

– Но ты ведь себя хорошо ведёшь, правда?

– Правда, папочка. Я у вас с мамочкой – молодец.

Отец и дочь вошли на кухню. Солнце слабо светило, и оттого помещение казалось каким-то грустным и серым. Было прохладно, и, казалось, в воздухе повисла какая-то тревога.

Дарина сидела на стуле, чуть опустив глаза. У неё было замученное лицо.

– Мамочка, а почему ты такая грустная? – девочка прижалась к матери. – Это из-за братика?

– Дарина, тебе нехорошо?

– Мне кажется, что он сегодня родится... Вадь, отвези меня в роддом, – слабым голосом выговорила женщина и, переводя взгляд на дочь, добавила. – Яночка, ты ведь умеешь уже одеваться, да?

– Умею... Мам, а тебе, правда, нехорошо? – обеспокоенная малышка повторила вопрос отца.

– Яночка, иди, одевайся. Папа меня в больницу сейчас повезёт. Ты ведь не останешься одна дома?

– Хорошо, мамочка. Я сейчас оденусь, – испуганная де-

вочка поспешила к себе и оделась довольно быстро.

Едва машина тронулась от дома, где жила молодая семья, как у Дарины начались схватки. Интуиция её не обманула. До роддома ехали в пробках. Вадим нервничал. Когда приехали, Вадим устроил настоящий скандал – найти врача оказалось не так просто. Именно в этой ситуации Дарина поняла, насколько любит её супруг.

Холод коридоров, нервные и несколько циничные взгляды медсестёр, запах лекарств и крови, а ещё вкус солёных слёз на губах. Невыносимая боль, от которой мутилось сознание, минуты, которые казались часами, и вот он – долгожданный крик сына. Но крик был похож на горький плач, и женщина чувствовала, что ничего хорошего это не предвещает. Не обмануло материнское сердце.

Врачи долго не решались говорить вспыльчивому супругу Дарины, что мальчик не совсем здоров. И всё же перед выпиской сказали. Вопреки их ожиданиям Вадим не разнёс роддом, а крепко задумался. С тех пор мужчина иногда тайком от жены плакал. Он чувствовал, что его сын расплачивается за его грехи...

– Это вам Янка успела настроение испортить? – Михаил вошёл на кухню и застал родителей с печатью грусти на лицах. – Эй, вы чего, а?

– Всё в порядке, Миша. Ты на море собираешься?

– Может быть... Ещё не решил. А вы? Мам, вам бы с отцом тоже не мешало проветриться, – парень подмигнул ро-

дителям, затем налил себе стакан сока.

Родители ничего не ответили. Михаил опустошил стакан и был таков.

Улица встретила его тёплыми солнечными лучиками и прохладным ветерком. Парень загадал, что если сегодня всё пройдёт удачно, то скоро сможет купить себе новый мобильник. Он надеялся, что риск будет оправданным, и крупная рыбёшка сразу попадётся на крючок. Миша был щипачом.

Тремя сутками ранее.

Вечер медленно опускался на город. Майор юстиции Андрей Савицкий мысленно готовился к возвращению домой. Несмотря на то, что он жил совсем один, и что порой ему было грустно, а свой дом всё же гораздо лучше, чем казенный прокуренный Winston'ом и страдающий от круглогодичной сырости кабинет, где ежедневно приходится видеть лиц из криминального мира.

Настойчивый стук в дверь.

– Да-да, войдите, – с лёгкой досадой выговорил он. Такие поздние визиты, как правило, ничего хорошего не предвещают.

В кабинете появилась молодая женщина. Ей было тридцать с небольшим лет. У неё было грустное строгое лицо. Тёмные волосы были подобраны в тугой хвост.

– Здравствуйте, – зазвучал чуть грубоватый голос гостя. – Товарищ майор, мне ваши коллеги сказали, что я могу к вам обратиться.

– Вы присаживайтесь. Присаживайтесь... Простите, вы...?

– Светлана Васильевна. Мягкович.

– Светлана Васильевна, присаживайтесь. По какому вы делу?

– Погиб мой муж, – выговорила женщина. По её напряжённому лицу Савицкий понял, что ей непросто держать себя в руках.

– Простите... Светлана Васильевна, вы считаете, что это было убийство?

– Да. Я так считаю... Более того, я знаю, кто это сделал.

– Светлана Васильевна, простите, а что заставило вас сделать такие выводы? – майор решил вести разговор конструктивно, хотя сказывалась усталость. Но работа есть работа.

Прежде чем ответить, женщина сделала продолжительную паузу.

– Пропало...

– Так, а что вы хотите этим сказать? – следователь подался немного вперёд. Вечерняя дремота стала понемногу выветриваться.

– У нас пропала одна очень ценная вещь... Об этом я узнала, когда моего мужа уже не стало... Случайно обнаружила.

– Какая связь?

– Эта вещь очень дорого стоит. А тот, кого я считаю убийцей, нуждался в деньгах.

– Ну, он ведь мог просто украсть эту вещь. Почему вы считаете, что этот человек должен был при этом убить вашего мужа?

– Я не знаю... Просто мне кажется, что таких совпадений случайных не бывает.

– А что это за вещь, простите?

– Морская сабля... Знаете, мой покойный супруг был тренером в частной спортивной школе «Атлетика». Фехтование. Наследственный фактор определил его профессию, можно сказать. Эта сабля в семье моего мужа передавалась из поколения в поколение... Мы не хранили её на виду... У антикваров эта сабля может стоить не меньше полумиллиона рублей.

«Пропала сабля. Дорогая вещь. Полмиллиона рублей... Возможный убийца решил убить свидетеля, который видел, как сабля была украдена. Подстраховался...», – рассуждал про себя Савицкий.

– Значит, Светлана Васильевна, вы связываете смерть вашего супруга и похищение из вашего дома сабли? Я вас правильно понял?

– Правильно... Только почему вы ничего не записываете? Я хочу, чтобы виновный в смерти моего мужа был наказан, – сухо и безапелляционно выговорила Светлана.

– Светлана Васильевна, чтобы мы работали по данно-

му делу, вам необходимо составить заявление по форме, – майор пошарил рукой по заваленному столу, нашёл образец. – Вот.

– А что писать?

– Пишите всё, что только что мне сообщили. И мы обязательно во всём разберёмся, – без тени пафоса произнёс майор. Ему очень хотелось домой, и в тоже время ему было очень жаль несчастную вдову, от которой ясно ощущался запах слёз, погребальных венков и сырой земли Морского кладбища.

Женщина писала медленно. Минуты будто растягивались на часы. По её лицу пробегали желваки, отчего казалось, что каждым написанным словом она будто выносит всё более и более суровый приговор виновному, по её мнению, в смерти её супруга.

– Светлана Васильевна, простите. Я, наверное, сразу должен был вас спросить.

– О чём? – не отрываясь от заявления, спросила Мягкович.

– Вы не боитесь?

Вдова подняла глаза на следователя.

– Мне нечего больше бояться. И терять мне тоже нечего, – в тишине кабинета в преддверии ночи её голос прозвучал особенно холодно, но более от отчаяния, чем от бессердечности.

– А ваши дети?

– Я не боюсь, товарищ майор. Я устала бояться...

По глазам вдовы Савицкий понял, что на самом деле она боится, но какое-то странное, малопонятное ему, мужчине, чувство, двигало этой отчаянной женщиной.

Семья Железняк полным составом собралась вечером на кухне, чтобы поужинать.

Единственная лампочка слабо освещала небольшое помещение, придавая тёплую матовость всем предметам. Из приоткрытого окна дул свежий ветерок. Пахло пирожками с капустой, апельсиновым соком, только что выкуренными Вадимом сигаретами и потом, который исходил от футболки только что появившегося в кругу семьи Михаила.

– Мам, откуда у Мишки столько денег? Ты знаешь, откуда у него столько денег? Я за всё время стипендий столько не получала, сколько у него есть. Это вы с отцом ему даёте? – вопрос Яны был провокацией. Она знала, откуда что берётся, но хотелось вывести братца на чистую воду, хотелось спасти его от самого себя.

– Это я смог заработать, – с петушиной гордостью заявил парень.

– Обманываешь, – Яна направила свой могучий взгляд на Мишку.

– Я не виноват, что у меня такая завистливая сестра.

– Вы хотя бы за ужином можете вести себя мирно? – Да-

рина строго обратилась к детям. Иногда ей казалось, что им обоим по пять-восемь лет.

– Заткнули рты! Оба! – прикрикнул на дочь и на сына глава семьи. – Янка – девчонка, но ты-то умней должен быть.

– Закрыли тему. Мне надоело, что вы ругаетесь из-за ерунды, – с нажимом выговорила женщина.

– Ничего себе ерунда, мам!?! Он же ворует деньги! Если он сейчас этим занимается, то дальше что будет? Мам, скажи мне, что будет дальше? – Яна подалась вперёд в ожидании хоть какого-то ответа.

– Голос на мать не повышай, – Вадим с упрёком посмотрел на дочь. Эта её извечная нравоучительность безумно его утомляла. Так и хотелось иногда пройтись ремнём вдоль спины этой хамки.

– Значит, вы потакаете ему, да? – Яне хотелось плакать, кричать, но, к сожалению, это никак не повлияет на ситуацию. Родители воспитали будущего, хотя почему будущего, настоящего преступника, и не хотят признавать этого. Поэтому во всём виновата она, потому что правильная.

– Яна, успокойся... – Дарина коснулась руки дочери, но та сорвалась с места и покинула кухню.

– Тоже мне, добропорядочная гражданка РФ, – хохотнул Михаил. – Как вчера на свет родилась.

– Миш, ну, правда, заканчивай давай со всем этим. А то попадёшься ещё. Ты же у нас с отцом талантливый парень, – Дарина задорно подмигнула сыну. Как мать она переживала,

что всё это рано или поздно может очень плохо кончиться. Ни раз она уже пыталась повлиять на ситуацию, но пока ни один подход не помогал. Это было её большой материнской болью.

– Мне адреналина не хватает, мама. Мне надоело, что вы меня оберегаете, что пылинки с меня сдуваете, что я как теплолюбивое растение... Я не могу так!.. – Михаил выразительно прошагал по кухне и замер у выхода. – Я сегодня буду спать в гостиной. Боюсь, как бы эта фурия меня сегодня ночью не придушила...

Супруги остались наедине.

– Ты считаешь, что я не права?

– Да вы все мне уже надоели! Права – не права, – недовольно буркнул Вадим. – Пусть своей головой живёт. Не маленький.

– Ему нельзя в тюрьму, – с напором выговорила Дарина. – Вадь, ему бы чем-нибудь более спокойным заняться. Я тебе уже говорила. При его болезни... – сердце опять неприятно защемило. – Ты же понимаешь, чем ему это всё может грозить...

Сердце Вадима забилось воробышком, которого поймал дворовый кот. Болезнь сына была его личной отцовской драмой.

Несколько настойчивых звонков. По ту сторону двери ощущалось нетерпение и явно недобрые намерения.

– Вадь, ты подумай. Хорошо? Я прошу тебя, – Дарина на-

правилась к дверям. – Кто?

– Откройте, милиция, – слышалось, будто из другого мира.

Женщина дрожащими пальцами стала открывать замки. Больше всего она боялась, что сейчас у неё заберут сына.

В квартиру ввалились три неотёсанных парня в милицеской форме и один бравый майор, одетый по гражданке. Он всех ощущался жуткий запах недорогих сигарет.

Майор извлёк из кармана джинсового жилета удостоверение.

– Майор Савицкий. Здравствуйте. Добрый вечер перестанет быть добрым. Простите за цинизм. Мне нужен Вадим Олегович Железняк. А вы...?

– Жена.

«Хм, вот так встреча!..» – подумал следователь и повернул голову на звук – лёгкое шарканье домашних тапок о паркет в прихожей.

– Это я. Простите, чем обязан? – Вадим шёл с гордо поднятой головой, точно император, осознающий, что его репутация *sine fibula esse*.

– Майор Савицкий. Вадим Олегович, вы задержаны по подозрению в убийстве Мягковича Григория Александровича.

– Товарищ майор, что значит по подозрению в убийстве? Гриша погиб. Это был несчастный случай. Почему вдруг убийство?

– Правоохранительным органам стали известны новые об-

стоятельства дела. И эти обстоятельства, Вадим Олегович, не в вашу пользу.

– Вам есть, что мне предъявить? Что-то конкретное? Или вы будете, товарищ майор, прикрываться правоохранительными органами?

Зелёные оперативники дёрнулись, но Савицкий успел на них шикнуть, прежде чем что-то произошло.

– Есть. Поэтому прошу проехать со мной.

– Так предъявляйте, – Вадим театрально взмахнул руками. Ему было неудобно перед супругой. Впервые попался на крючок. И у неё глазах.

– Вадим Олегович, вы сами пройдёте до машины или мне сказать ребятам, чтобы они показали вам дорогу?

Вадим надел ботинки, накинул джинсовую куртку и покинул квартиру. Пришлось отказаться от прощального взгляда в сторону супруги. Пусть думает, что это ненадолго.

Несколько секунд, и Дарина оставалась в прихожей совсем одна. Случилось то, чего она боялась много лет. Боялась тайно, никогда не показывала виду, и всё же случилось. Но парадокс ситуации в том, что Дарина была и рада этому – возможности впервые в жизни подумать и понять, соответствует ли её нынешний статус тому, о котором она мечтала в юности, имеет ли она нынче то, о чём мечтала, да и о чём она мечтала, чего хотела? Вадим стал её всем тогда, в 1988. И с той поры она уже не думала, что, поддавшись горячности, потеряла что-то очень важное – то, без чего настоящая

жизнь казалась ей старым пошлым анекдотом или дешёвой трагикомедией. И всё же надо было жить как-то и делать что-то.

– Мам, это кто сейчас приходил? – в прихожей появилась Яна. Интуиция подсказывала ей, что в их прочном и, на первый взгляд, надёжно устроенном семейном гнёздышке что-то сместилось, треснул какой-то очень важный кирпичик.

– Это за отцом приходили.

– Менты? – следом за сестрой в прихожей появился Миша. – Я из окна их бобик видел.

– Нашего отца подозревают в убийстве, – ответила Дарина.

– Ну, всё! Пиши-пропало! Нету у нас больше папки, – со знанием дела начал парень. То ли он не понимал всю серьёзность ситуации, то ли не хотел понимать, то ли ему было вообще глубоко наплевать на всех и вся, кроме себя любимого. – Закатают его менты под самое не могу...

– А я ведь говорила вам: хватит с огнём играть! – задрожал голос Яны. Ей овладевало отчаяние. – Но вам же адреналина не хватает!.. И тебя так закатают, если не кончишь по чужим карманам шнырять.

– Много ты понимаешь! – огрызнулся Мишка. – У меня ремесло чистое. Я мокрухой не занимаюсь. Ну, сшибаю рублики, подумаешь!.. А что там батя мутит – я не знаю. Моё дело – сторона... Подставить его могли. Сильных всегда подставляют... Мам, ну, чего ты молчишь?

– Я думаю, что там во всём разберутся. Идите спать. Поздно уже.

– Детское время! – рассмеялся Мишка. – Ма, а, может, нам тебя сосватать какому-нибудь крутому перцу? Ведь если бату посадят, значит, он – не крутой. А ты у нас королева! Мам, тебе мужик нужен. Ты ведь у нас ого-го какая!..

– Ты чего несёшь? – шикнула на брата Яна, хотя руки чесались накостылять ему по первое число за такие пошлые намёки. – Как у тебя язык-то поворачивается...?

– Я, конечно, понимаю, что ты уже взрослый, но уж будь любезен – постарайся держать себя в руках, – с нажимом выговорила Дарина, выразительно посмотрела на сына и ушла к себе. Слова Миши её оскорбили. Приходится признавать, что система её воспитания даёт сбои.

Дети переглянулись и вернулись в свою комнату. Каждый остался при своём.

Дарина опустилась на кровать. В комнате витал запах одеколona, которым пользовался Вадим. Едва уловимый, он вдруг напомнил женщине о событиях двухмесячной давности.

Дарина сидела у кровати сына. У него были адские головные боли. Решил помочь родителям с ремонтом и стал красить потолок. И тут сосуды дали о себе знать.

– Сейчас... сейчас всё хорошо будет... – шептал Миша, держась за голову обеими руками.

– Мишенька, выпей лекарство, – проговорила мать. Голос

её дрожал. Больше всего было оттого, что она ничем не может помочь сыну. – Врач сказал, что нельзя пропускать.

– Да. Да, хорошо.

Вадим осторожно вытянул за руку супругу в другую комнату:

– Дарина, я нашёл врача, который сможет сделать Мише операцию. У него золотые руки, врач от Бога.

– Вадь, а деньги? Сколько это стоит?

– Деньги будут. Ты не переживай. Я решу эту проблему раз и навсегда.

Холодная камера, старые провонявшиеся перегаром шконки, каменный пол... Не пришла ещё цивилизация в КПЗ. Всё по-старому было. Волчьи взгляды, лисьи повадки, собачий слух – настоящий зоопарк, одним словом.

Вадим вспоминал, как полчаса назад его шмонали, как последнего зэка в присутствии понятых – двух пацанов с улицы, отморожков. Эти гниды прыщавые смотрели на него с какой-то непонятной жалостью, мол, ты же взрослый дядька, как же тебя повязали-то, а? И хотелось провалиться под землю, только бы не позор этот. И мужчина старался гордо держаться, будто всё под контролем, будто это ошибка, и его вот-вот отпустят. Грустно, досадно, но выйти из ситуации на данном этапе нельзя.

А сейчас Вадим лежал на нижнем этаже шконки и глядел

на серую, облупленную стенку, представляя, сколько людей лежали на этом месте до него, и что думали они все об одном: «Поскорей бы выйти!».

– Железняк! На выход!

– С вещами?

– Ага, щас! Размечтался! Майор с тобой говорить хочет, – выговорил юный, но уже не в меру напыщенный младший лейтенант, решивший зайти за подозреваемым самолично.

Конвоир щёлкнул замками, и дверь камеры отворилась.

– Железняк, вперёд! Особое приглашение нужно?

Вадим с достоинством вышел.

– Руки!..

Наручники со скрежетом защёлкнулись. Мужчина решил не вступать в продолжительные дискуссии с зелёным ментом, который был откровенно смешон в своих попытках казаться важным.

– Товарищ майор, подследственный Железняк на допрос доставлен!

Конвоир расстегнул наручники.

– Свободен, – выговорил Савицкий, и конвоир покинул кабинет.

– Товарищ майор, младший лейтенант Воробьёв. Разрешите идти?

– Идите, младший лейтенант Воробьёв. Когда потребуетесь, я вас вызову.

– Есть! – и Воробьёв покинул кабинет майора Савицкого.

– Слушай, товарищ майор, а он и, правда, Воробьёв, – рассмеялся Железняк, потом картинно замахал руками. – Простите.

Савицкий не знал, с чего начать, поэтому откашлялся и вцепился взглядом в подследственного.

– Чего?

– Вопросы здесь я буду задавать.

– А, пордон-пордон! – снова рассмеялся Вадим.

Поведение подследственного начинало откровенно раздражать майора. Или не поведение?

– Так, расскажите, пожалуйста, что произошло в день, когда Григорий Мягкович погиб?

– Товарищ майор, – вздохнул Железняк. – Я уже всё сказал. Когда всё случилось, я уже давал показания. И прежде чем задавать мне вопросы, ознакомьтесь с актом о несчастном случае.

– С актом я знаком. Мне бы хотелось это услышать от вас ещё раз. С подробностями.

– Знаете, товарищ майор, по-моему, наша милиция родная от нечего делать готова воду в ступе толочь.

– Это не ваше дело. Мне показания нужны.

Железняк тяжело вздохнул. Он понимал, что от него ждёт Савицкий, поэтому решил помотать тому нервы.

– А как же адвокат, товарищ майор? Я без него вам и слова не скажу. Вы, товарищ начальник, права не имеете требовать от меня показаний без адвоката.

– У вас свой есть или государственным воспользуетесь? – для про-формы спросил следователь. Не такого полёта этот Железняк, чтобы своего адвоката иметь.

– Обижаете, товарищ майор. Откуда у меня свой? Я – честный гражданин.

Савицкий заёрзал на месте. Он звонил, было, и договаривался с адвокатом Барашиным, тот сказал, что будет через полчаса. Вроде и время подгадал, а не было его. Расшаркиваться с этим самоуверенным хлыщём ему не хотелось. Возникла томительная пауза.

– Ну, так что? Будет мне государственный адвокат? – ехидно усмехнувшись, выговорил Железняк.

– Будет, – сохраняя спокойствие, ответил следователь.

И вот счастье, в момент которого хочется расцеловать весь мир – зазвонил телефон.

– Савицкий. Да, пусть пройдёт ко мне, – и телефонная трубка легла на своё привычное место.

Через пару минут в кабинете появился человек лет тридцати с грустными голубыми глазами и тёмными аккуратно подстриженными волосами.

– Ну, что ж, Вадим Олегович, знакомьтесь. Это ваш адвокат – Барашин Алексей Анатольевич.

Мужчины как-то неловко пожали друг другу руки. Барашин присел на свободный стул.

– Тогда приступим. Вадим Олегович, я вас слушаю. Расскажите ещё раз, как всё произошло.

«Ну, что ж – твоя взяла...» – подумал с досадой Железняк и начал повествование:

– Гриша, как вы, наверное, уже знаете, был потомком офицеров морского флота. Владение оружием у него в крови. Но его судьба так сложилась, что пойти на военную службу ему никак не случилось. Зато стал спортсменом. В фехтовании.

– Гражданин Железняк, давайте без лирических вступлений. К сути.

Майор Савицкий не рассчитывал на искренность. Он был уверен, что с этим товарищем придётся попотеть, но, кто знает, быть может, и этот тёртый калач вдруг оступится на первом же допросе?..

– А я итак краток, гражданин начальник. Гриша спортсменом был. И в этом его суть. И в это утро он пошёл на снаряды. Знаете, товарищ майор, чтобы чему-то научить молодое поколение, нужно самому быть примером, себя в узде держать... Что я могу сказать? Когда мы пришли, Гриша лежал на полу в зале со снарядами в луже крови... Мы пульс проверили, а потом скорую вызвали. Увезли... Да вы сами всё знаете, товарищ майор. Чего вы от меня ещё хотите? Зачем задержали? И почему вы считаете, что я каким-то образом могу быть к этому причастен? Ересь!..

«Вывернуться пытается, – подумал Савицкий. – Понимает, что крепко влип и всё равно пытается вывернуться. Быть может, время тянет. Только для чего?»

– Я понимаю, что начальству детской частной спортивной школы не хочется попасть в криминальные сводки. Я понимаю их стремления сохранить свою репутацию во что бы то ни стало. И ваши стремления я тоже понимаю. Но давайте будем честны друг перед другом, гражданин Железняк. Ведь у вас семья, так?

– Так.

– У вас супруга, дети. Так?

– Так.

– Извините, товарищ майор, – робко заговорил Барашин. – Мне кажется, вы давите на моего подзащитного.

– Простите, товарищ адвокат. В данный момент я занимаюсь своей работой. А вы своей занимайтесь. Угу?

Барашин был ещё малоопытным адвокатом, поэтому всё пытался найти что-то, чтобы зацепиться и хоть как-то проявить свою компетенцию. Или это только первое впечатление, а на самом деле он совсем другой?..

Вадим пристально смотрел на следователя и пытался понять, к чему он клонит, на какую тропинку хочет его вывести. Захотелось курить.

– Товарищ майор, разрешите? – Железняк кивнул на лежащую на столе пачку «Winston».

– Что?

– Курить. Можно?

Савицкий не сразу кивнул. Что ни говори, а вопрос подследственного был весьма некстати и сбил с толку. Пока Ва-

дим прикуривал, майор всё же сосредоточился и продолжил.

– Так вот. У покойного Григория Мягковича была супруга и трое детей: два мальчика и девочка. Теперь они остались без главы семьи, без поддержки и опоры. Светлана Васильевна, конечно, старается держать себя в руках, но смерть супруга заметно её подкосила. Итак, я подошёл к своему главному вопросу: вы ведь хорошо знали эту семью, так?

– Насколько может знать коллега по работе. А Светлана тихой всегда была, а после смерти Гриши будто чёрт в ней проснулся. В тихом омуте, знаете ли...

Савицкий постарался сделать вид, будто его совсем не интересовало то, что сейчас произнёс Вадим.

– Вы знали семью Мягкович и, собственно, Григория настолько, что он впускал вас в свой дом как родственника, доверял, ключи даже, кажется, давал... Чем же вы заслужили столько доверия?

– Не знаю. Если бы он был жив, но наверняка бы вам дал ответ, – цинично выговорил Железняк.

Барашин молча переводил взгляд с подзащитного на следователя и обратно.

– Да, – в тон подследственному произнёс майор. – Ещё бы он, наверное, сказал, для чего вам нужна была морская сабля его прапрадеда, и куда вы её в конечном счёте могли деть. А то, знаете, Светлана до сих пор гадает, как это ловко из квартиры увели столь ценную вещь, о местоположении которой знала только она и Григорий. Что скажете? Быть мо-

жет, вам Григорий сам эту саблю отдал? В долг? Или подарил от доброты душевной?

«Вот гнида! Зажимает, как таракана в углу, – с горючей ненавистью подумал Вадим. Даже сигареты не помогли. – Тьфу! Табак ментовский!..».

– Нет, не говорил. Он, знаете, скрытный был, себе на уме. Я думаю, что Светлана его боялась, что, не дай Бог, пришибёт, и не будешь знать, за что.

«Похоже, сейчас от него всё равно ничего не добиться», – подумал следователь и решил отпустить подследственного в камеру. Пущай посидит, подумает.

Попутно Савицкий решил опросить свидетелей – коллег по частной спортивной школе, в которой работал и в которой погиб Григорий Мягкович.

Вечер по капле перетекал в ночь. Дарина сидела на кровати, прикрывшись покрывалом. Лёгкий свет излучал лиловый ночник, купленный каких-то полтора месяца назад. Пахло подогретым лавандовым маслом.

Ни страха, ни тревог, ни отчаяния. Сердце немного пощемило, и всё. И ощущение странное. Каменная стена дала трещину. Но и чёрт с ней, мы сами за себя постоять сумеем – зубки с самого детства остренькие.

А была ли любовь? Если была, то куда делась, почему исчезла, убежала куда-то, скрылась из поля зрения?.. Нет, здесь

кажется, другое – привычка. Любовь была, появились дети... А, может быть, не было? Может быть, ей только казалось, что любовь есть, потому что дети маленькие, потому что материнские чувства, потому что нужно сильное мужское плечо?.. Но дети выросли, а он и она до сих пор вместе. Почему? Привычка. Привычка видеть друг друга каждый день, привычка ложиться спать и просыпаться рядом с ним, привычка быть женщиной, богиней, страстной любовницей – и всё для человека, с которым прожита добрая половина жизни.

А что сейчас? Зачем этот случай? Для чего и для кого? Чтобы понять, что от былых чувств осталась только привычка?.. А дети выросли, и, значит, понять всё должны и принять. Но, может статься, что привычка это только для неё, но не для него. И что тогда?

«Ерунда... Да-да, ерунда, пустое, – думала Дарина. – „Никто никому ничего не должен, потому что никто никому не принадлежит“ – так, кажется, у Коэльо?..»

Странное ощущение, когда вдруг понимаешь, что и без своего мужчины, с кем жила столько лет душа в душу, можешь многое и главное, что сможешь без него, сможешь без его любви, ласк и прочего... Странно и страшно... А где же любовь? Какая женщина, если она без любви? Без любви женщины нет... Дети – в них вся её любовь. И пусть они уже почти взрослые, в них её кровь, плоть и сердце – в них и любовь...

Дарина выключила ночник. Через пару мгновений сон

принял её в свои тёплые объятия.

Яна ворочалась во сне, переворачивалась с одного бока на другой, ложилась то на живот, то на спину, однако сознание отказывалось отходить в царство Морфея. И на то были веские причины.

В этом году она опять прошла в двадцатку лучших студентов вуза, где училась, стала снова потанинским стипендиатом, но на Летнюю школу не попала. Да Бог с ней, со школой этой. В двадцатке был парень, которого она уже год как любила. Себе в этом она признаться не могла, потому что считала, что любовь – это что-то такое слишком высокое, и что скорей всего это просто страсть. И всё же каждый раз, когда она его видела, по спине пробегали мурашки, сердце замирало, а голос застревал где-то в связках. Она так и ни разу с ним ни о чём не поговорила – даже на пустячные темы. Он был совсем рядом и в тоже время очень далеко, как будто из другого мира: необыкновенный, удивительный; заговорить с ним она не решалась.

Однокурсницы её одна за другой выходили замуж, а Яна продолжала молчать и держать в себе это необыкновенное чувство. Ей казалось, что у такого парня обязательно есть девушка, что они счастливы, и что она в этой ситуации скорей всего выглядит как наивная дурочка, которая тайно на что-то рассчитывает.

В эту ночь он снова ей снился. По её щекам текли слёзы, и она не могла успокоить себя. Она ненавидела себя за робость, за нерешительность и за глупость: вырвать из сердца нет сил, но и думать о нём дальше невозможно. Замкнутый круг. Но ведь должен же быть где-то хоть какой-нибудь выход?!..

На утро Дарина решила поговорить с дочерью. Надо, надо расставить точки над «і». Довольно делать вид, что всё в порядке, потому что уже давно не всё в порядке.

Туманное прохладное утро. Но солнечные лучики пробиваются на сером небе. Значит, будет жаркий день. А ещё роса на траве.

Этот утренний туман был и в головах жителей города. И как-то не хотелось вставать из тёплой постели, вставать на холодный от сквозняков пол, кутаться в покрывало и топтать в ванную комнату, чтобы умыться и почистить зубы и вступить в новый день достойно.

Однако у Дарины с пробуждением никогда не было особых проблем – закалка ещё с раннего детства. Подъём, зарядка, душ, и «Здравствуй, прекрасный и чудесный мир! А вот и я!». Жёсткое воспитание советских интеллигентов, учёных наложило отпечаток на Дарину, несмотря на её буйное желание быть иной, чем родители.

Яна после долгой внутренней борьбы с собой всё-таки

встала. Сон кончился, а пустое валяние в постели нагоняло на неё невероятную тоску и убивало в ней всякие силы жить. Пробуждению способствовал и запах омлета. Девушка направилась в ванную комнату. Сегодня здесь пахло энергичным апельсиновым гелем для душа. Яна открыла кран с холодной водой, набрала немного в руки и прыснула в лицо. Клетки кожи в первое мгновение, было, взбунтовались, но очень быстро бунт перешёл в приятное оживление и даже наслаждение.

Когда девушка вошла на кухню, мать раскладывала омлет по тарелкам. Четвёртую тарелку пришлось вернуть в стол в связи с отсутствием главы семьи.

– Доброе утро, – выговорила Дарина, пытаясь разгадать сегодняшнее настроение уже совсем взрослой дочери. – А Миша спит ещё?

– Дрыхнет, мам, как цуцик. Без задних ног. Как бы ему на нарах спать не пришлось в ближайшее время. А то он у нас парень нежный... – на зевке выговорила Яна.

– Яна, ну, зачем ты так? – Дарина строго посмотрела на дочь. – Почему ты такая...?

– Какая, мам? Ты, наверное, хотела сказать, жестокая... – девушка вздохнула. – Прости, мам... Прости, но я устала. Я от жизни такой устала. Отец дров наломает, а нам потом скрываться чёрт знает где, – с болью в голосе произнесла Яна. – Ты, думаешь, я не помню, а я всё помню. И перестрелки, и кровь, и как ты раны отцу перевязывала, как мы из до-

му уходили неизвестно насколько, как лишний раз вздохнуть боялись... Люди вырастают, но продолжают играть в страшные игры и всё ради того, чтобы потешить своё эго. В конце концов, это невозможно, мам... Я устала... Прости, я хочу жить нормальной жизнью, как мои ровесники, которым нечего бояться, потому что их родители не связаны с криминалом...

Дарина вздохнула. Чувства дочери были ей понятны, и от этого было ещё тяжелее. Надо что-то отвечать, а на язык приходит банальное.

– Яночка, отец защищает нас, как может, он любит нас и никому не даст в обиду.

На лице девушки появился скепсис.

– Понимаешь, мы уже так глубоко в этом, что никуда не деться. Не всё можно изменить так, как хочется, увы, не всё.

– Прикажешь мириться?..

– Если хочешь кого-то обвинить во всём, то обвини меня.

Яна выразительно взглянула на мать. Уж чего-чего, а такой фразы от неё она не ожидала.

– Жизнь, Яночка, сложная штука, и пусть у тебя всё будет гораздо лучше, чем у меня.

И Дарину такая жизнь не вполне устраивала. Когда она выходила замуж за Вадима, то представляла себе всё несколько иначе (ведь Вадим совсем не виноват, что не оправдал её ожиданий). Избранный путь оказался не та-

ким прекрасным, как она себе его представляла. И не сказать, что жизнь прожита зря, но она прожита как-то бездарно, что ли.

Повисла напряжённая пауза.

– Мама, а почему ты позволила отцу воспитать Мишку вором?.. Почему ты не помешала ему, почему не настояла на своём?..

Дарине нечего было ответить.

– Ты же всё время говоришь, что я очень похожа на тебя, но почему тогда ты ведёшь себя так, будто тебе наплевать и на меня, и на Мишку?.. – взгляд Яны был острее самой заточенной бритвы. В соединилась и боль, и отчаяние, и горячее желание всё-таки что-то изменить.

– Родители воспитали меня в строгости. Они вели себя так, будто заранее знали, что для меня будет лучше, никогда не спрашивали меня ни о чём, а вели за руку, толкали, когда нужно было. Пока они были живы, они планировали всю мою жизнь по часам... – с какой-то отрешённостью начала Дарина. Всколыхнувшиеся воспоминания выдавливала из глаз слёзы, но ни одна из них так и не прошла заветный путь по щеке хозяйки. – Я всё время старалась поступить против их воли, всё время хотела своим умом жить. И уже тогда я решила, что никогда не буду навязывать своё мнение своим детям, что свой путь они должны будут выбрать сами... – неожиданно Дарина замолчала и опустила глаза. Только сейчас она действительно очень чётко по-

чувствовала, что находится в болоте, из которого уже никак не выбраться, и что тянет за собой детей... А ведь её родители никогда бы не позволили себе того, чтобы подвергать её жизнь опасности. А она позволила – дурной головой много лет назад – неважно, как, главное – факт свершился, и ничего не вернуть, а партию не переиграть. – Да, я – плохая мать, но я люблю вас... Прости, я не знаю, как мне быть хорошей... – прошептала Дарина и обняла дочь, крепко-крепко, а из глаз всё-таки потекли слёзы.

Яна почувствовала родное тепло, стук сердца и знакомый с детства запах мамы – такой едва уловимый и передаваемый, отдающий уютом, нежностью, добром, светом и защитой от внешнего мира.

– Так почему же, мамочка, жизнь так складывается? – Яна обратила к матери свои большие заплаканные глаза, такие же голубые и бездонные, как и у самого близкого и родного ей человека.

День упрямо клонило к вечеру. Суббота. По традиции в этот день у Дарины собирались её друзья. Дарина не хуже своей дочери понимала, что все они – порочные люди, а если проще – преступники, но, как говорится, назвался груздем, так полезай в кузовок. Вот уже десять лет как Дарина собирала в своём доме этих людей.

А всё началось ещё раньше – когда родился Миша. Вра-

чи поставили ему неутешительный диагноз и сообщили, что малыш должен быть под присмотром одного из родителей. Поскольку Вадим не мог бросить работу, с сыном сидела Дарина. Из переводчика-синхрониста, обычно сопровождающего иностранных лиц в городе, либо за границей, она превратилась в переводчика текстов, в основном, новой зарубежной литературы. Сначала она переводила только с английского, потом изучила французский, немецкий, испанский и итальянский. Но заниматься тупым монотонным переводом ей было скучно. Бойкая натура Дарины требовала выплеска эмоций, общения, праздников. Так родилась идея проводить салоны, как было модно в девятнадцатом веке. Дело оставалось за малым – собрать людей. Кто бы мог подумать, что на первый взгляд благородная затея обратится в пошлый балаган и станет вредной привычкой, увы, уже не приносящей удовольствия.

А как найти в городе людей с приличным достатком, которым бы эти встречи были бы также интересны, как и ей? К слову сказать, родители Дарины – интеллигенты, эрудиты, и дочь старались воспитывать в таком же духе. Поэтому не долго думая, Дарина отправилась в театр, в филармонию, в галереи... Опытный глаз помог ей, и теперь в её доме по субботам бывают разные и интересные люди. Не меняются только четверо: картёжник, альфонс, наводчица и хакерша. У каждого из них есть свой интерес в знакомстве с Дариной. Впрочем, это уже немного другая история. Об этом

чуть позже.

Круглый стол был накрыт белым полотном. На нём лежала колода карт и ждала своего часа. Потёртые от времени и частого использования, с взлохмаченными углами короли, дамы, тузы и прочие были, как и прежде, верны своей хозяйке. Много лет назад картёжным премудростям Дарину научили играть дворовые мальчишки, как и играть на гитаре, и петь песни популярных тогда рок-исполнителей.

Итак, стол с картами будто место священнодействия, алтарь, где сегодня будут принесены новые жертвы. Над столом изящная люстра. У окна стол с угощениями: коньяк, вино, конфеты, ароматные пончики, канапэ. Там же несколько пепельниц.

Пурпурно-шоколадные шторы задёрнуты, свет включён. Настенные часы показывают без десяти шесть.

Хозяйка была одета в классическом стиле: чёрное платье, слегка прикрывающее колени и вместе с тем чуть обнажающее плечи, длинные чёрные бусы и туфли на каблучках в тон. Светлые волосы были убраны в причёску а-ля Коко Шанель и придавали особый шарм всему образу.

В прихожей появилась первая гостья – зеленоглазая и рыжеволосая женщина с наивным взглядом и по-детски поджатыми губками. Она была в платье цвета зелёнки. Тонкие бретельки и чёрная вуаль свидетельствовали о тонкой душевной организации этой особы.

– Душечка! Здравствуй, дорогая.

Женщины обнялись, будто давно не виделись.

– Дарина, я слышала, мужа твоего... задержали, – вкрадчиво начала Регина Рубан, она же Душечка. – Но ты не переживай. Я уверена, что его скоро отпустят, – заулыбалась она и снова обняла подругу.

– А я не переживаю. Ну, ты проходи... Как дела?

– Думаю, что скоро хорошо всё будет, – выговорила Душечка и поджала губки. – Скоро у меня будет достаточно денег, чтобы нанять хорошего адвоката и отсудить Ванечку у этого изверга, – глаза её едва не заслезились.

– У тебя всё получится, – Дарина постаралась вселить в подругу уверенность. – Если что, ты всегда можешь рассчитывать на меня.

Дарина была старше Душечки всего на полгода, но часто случалось, что ей приходилось быть для неё в роли матери или очень старшей сестры.

– Тук-тук, а вот и я, – в гостиную вошёл высокий, атлетически сложенный мужчина с шевелюрой Аполлона. – Я не первый?.. Жаль.

Тимофей подошёл к Дарине.

– А этот скромный дар Флоры я хочу вручить хранительнице сего очага, приюта для одиноких душ и безумно жаждущих игры.

– А вот без высокопарности уже никак нельзя? – с лёгким раздражением и тенью кокетства спросила Дарина.

– Не умею, – иронично хмыкнул мужчина и пожал плеча-

ми. Это был Тимофей Деркач, игрок со стажем, шулер.

– А мне понравилось... – призналась Душечка и засияла.

– Тимош, ты с Марка пример бери, а то так и останешься Валетом. Тебе бы в короли выходить пора.

Едва это выговорила Дарина, как на пороге гостиной появились Марк и Агата, альфонс и хакерша. Он был холёным, смазливым, мужчиной с обложки, но почему-то он отказывал юным прелестницам и ублажал исключительно дам в возрасте. Почему? На первых нужно было тратиться, а вторые платили ему сами.

Агата была женщиной иного толка – напротив, слишком самостоятельной, слишком активной, но старалась ничем не выдавать свою силу. Жестковатая и мужиковатая от природы, она предпочитала брюки и более деловой стиль, нежели её подруги, но, тем не менее, была очень элегантна.

– Дарина, кто сегодня играет? – спросила Агата.

– Банкир Виталий Семёнович Вялый, коммерсант Станислав Малодушкин, топ-менеджер Алла Греховец.

– Чувствую, неплохой улов сегодня будет, – сgrimасничал Тимофей. – Марк, ты сыграй нам на скрипочке что-нибудь эдакое: чтобы душа сначала развернулась, а потом завернулась.

– Выруби Попандопуло, Тимофей. Шутить будем, когда гости денежкой поделятся. А сейчас твой одесский юмор мимо кассы, – вот так из нежной и хрупкой жены и матери Дарина на время примеряла маску строгой, если не ска-

зять жёсткой главой малой ОПГ, занимающейся мошенничеством.

– Я ж одессит, Даринка, а это значит,

Что не страшны мене ни горе, ни беда... – запел Тимофей и сделал оборот вокруг собственной оси, чем привёл Душечку в полный восторг.

– Короче, Лемешев, сначала дело, потом кураж, – серьёзно выговорила Дарина. Её тон не допускал никаких возражений.

– Ладно, начальница. Как скажешь, – сдался Тимофей и всё же решил закончить спичем. – А ты, Ромео, всё-таки сыграй нам чего-нибудь. За тобой вакансия музыканта числится.

Марк хохотнул.

– Всенепременно, сударь, но не сию минуту. Обождать придётся, – и бросил взгляд на Дарину. Женщина сосредоточенно тасовала карты.

Игра началась. За столом сидело пятеро: апатичный скряга, напыщенный и самоуверенный франт, потасканная жизнью, но ещё молодившаяся женщина, улыбчивый Тимофей и полная достоинства Дарина. И понеслась!.. Карты шелестели и щёлкали, из глаз играющих сыпали искры азарта. Включившийся механизм напоминал гоночную машину – море эмоций, страсти, драйва! Кто бы мог подумать, что такое

возможно в небольшой гостиной одной из квартир Владивостока, где будни казались серыми, банальными, и вот только иногда по вечерам здесь было настоящее пекло!.. Короли, дамы, валеты и прочие, красное и чёрное, крести и буби, пики и червы... От каждого следующего хода голова кружилась всё больше и больше, наступало опьянение – даже у простых наблюдателей.

Дарина и Тимофей ловко вели бой. Не напрягаясь, они взяли верх над всеми тремя. Вялый решил больше деньгами не сорить, а вот франт и женщина решили в следующий раз взять реванш. Жаль, они не знали, с кем имеют дело. Фиаско было predetermined.

– Вы были просто великолепны! – Душечка восторженно захлопала в ладоши. – Развели – ни дать, ни взять.

– Тимоша и меня сегодня поразил, – призналась Дарина. – Я ведь давно тебе говорю, что мог бы королём уже быть.

– Ну, скромняжка я. Меня всё устраивает. Король должен быть один. Ну, или королева – и это ты, – протянул Деркач. Слукавил. Всё же давно он хотел узнать секреты игры Дарины, давно хотел самолично срывать куши. Играл-то он и сам, конечно, неплохо, даже очень хорошо, но хотелось большего, росло его стремление к совершенству, к высшему мастерству владения картами.

– Не захваливай меня. Это лишне.

– Ну, почему? – Тимофей приблизился к Дарине и заглянул в её огромные голубые глаза. И как женщина Дарина ему

очень нравилась: загадочная, неприступная... – Ты заслуживаешь самых высоких комплиментов. А теперь пусть наш Ромео чего-нибудь сыграет, – Деркач подмигнул Марку.

– Давай-давай, Марк, – легонько толкнула его в бок Агата.

Шведкин нехотя открыл футляр и достал скрипку. Она стала оружием массового поражения дамских сердец. Марк активно использовал своё музыкальное образование на профессиональном поприще.

Через пару мгновений комната наполнилась чудными звуками. Это был «Романс» Свиридова из цикла «Метель» по одноимённой повести Пушкина.

– Извини, Марк, а повеселее что-нибудь можно? – осторожно спросил Тимофей после первого же провода темы.

Не успел Шведкин что-либо сообразить, как в соседней комнате, то бишь в детской, загремело:

С гранатой в кармане, с чекой в руке.

Мне чайки здесь запели на знакомом языке.

«Миша!..» – подумала Дарина.

– Дарин, это что...? – с претензией поинтересовался Марк, сжимая в руках милую сердцу скрипку.

Уходим, уходим, уходим!

Наступят времена почище!

Песню эту знали все присутствующие, но в атмосфере томного вечера она была совсем некстати.

– Простите, господа. Минутку, – Дарина поспешила в комнату к сыну.

Яна шлёпала по клавишам компьютера, Миша сидел на своей койке и наслаждался любимой песней группы «Му-мий Троль».

– Миша, я же просила... – мать строго посмотрела на сына.

– Мам, а тебе не кажется, что ты итак изрядно лишаешь меня личного пространства? – в его интонациях отчётливо звучали нотки негодования.

– Миша, выключи, пожалуйста, музыку.

Никакой реакции.

– Мам, ну, неужели ты не понимаешь, что это бесполезно? – решила вмешаться Яна. Она, не долго думая, встала, подошла к музыкальному центру и выключила его. – Вот так.

– Ну, и что ты сделала? – Миша бросил злобный взгляд на сестру.

– Маму надо слушать, Миш, – выговорила Яна и вернулась на свою исходную позицию.

– Ага. Как же! – надулся парень.

– Миш, извини, но сейчас так надо, – Дарина виновато смотрела на сына.

– Мам, да что ты извиняешься перед ним? Миш, ну, неужели тебе не стыдно?

– Пойду, я, – женщина спешно покинула комнату.

– Придурок! – в сердцах выговорила девушка.

– Сама дура, – обиженно буркнул Миша. – Отца вон посадили, а мама продолжает со своими благородными друзьями

развлекаться. Как будто по фигу на отца.

– Много ты понимаешь, – с негодованием выговорила Яна.

Немного коньяка, сигареты, и мозги прочистились. В голове стал сооружаться план действий. Казалось, все обстоятельства благоприятствуют тому, чтобы давно задуманное было исполнено.

Вернувшись домой, Агата ещё выкурила пару-тройку сигарет. Теперь всё точно было решено. Сколько времени понадобится? Немного, на самом деле. Обстоятельства удачные, а её сила убеждения велика. Да и просто всё. Всё слишком просто.

О чём речь? Наверное, в первую очередь о личных взаимоотношениях Агаты с Дариной. Познакомились они шесть лет назад. Дарина увидела в ней сильную личность, очень интересную, под стать себе. Агата же ещё тогда поставила перед собой цель – занять место Дарины. Нет, они несколько не претендовала на статус королевы. Агата была хакершей. Она работала как программист и попутно воровала с банковских счетов доверчивых вкладчиков. Деньги исчезали незаметно, и никому так и не удалось её вычислить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.